

УДК 903.26 “1

**ТЕРРАКОТОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУЭТКИ
ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ**

М.С. Гаджиев,
М.А. Бакушев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

murgadj@rambler.ru
bakart@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются терракотовые женские статуэтки из Шаракунского могильника и Дербентского поселения (Южный Дагестан). Авторы, опираясь на археологический контекст, датируют дербентские фигурки первыми веками н.э. (не позже середины 3 в. н.э.). Антропоморфные статуэтки, очевидно, представляют стилизованный образ богини плодородия, покровительницы земледелия, матери-хранительницы зерна, хлеба и отражают существовавший аграрный культ, развивавшийся в условиях значительного прогресса комплексной земледельческо-скотоводческой экономики региона. Статуэтки встречаются в памятниках Дагестана раннебронзового и албано-сарматского периодов и демонстрируют схожие процессы, происходившие в религиозно-мировоззренческой сфере в периоды развития земледельческой культуры.

Abstract: The terracotta female figurines from the burial ground Sharakun and the Derbent settlement (Southern Dagestan) are considered in the article. Authors, basing on an archaeological context date the figures from the Derbent settlement to the first centuries AD (not later than the middle of 3rd century AD). Anthropomorphic figurines obviously represent the stylized image of the goddess of fertility, the patroness of agriculture, mother-keeper of grain, bread and reflect the existing agrarian cult developing in the conditions of significant progress of complex agricultural and cattle breeding economy of the region. Figurines meet in monuments of the Early Bronze Age and Albano-Sarmatian period of Dagestan and demonstrate the similar processes, which took place in the religious sphere during the periods of development of agricultural culture.

Ключевые слова: Южный Дагестан, Дербент, Кавказская Албания, антропоморфная пластика, терракотовые статуэтки, сарматский период.

Keywords: Southern Dagestan, Derbent, Caucasian Albania, anthropomorphic plastics, terracotta figurines, Sarmatian period.

Одними из центральных вопросов в изучении проблемы религиозно-идеологических воззрений населения Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени являются вопросы выявления существовавших культов, реконструкции пантеона местных божеств, определения их роли и места в системе религиозных представлений местного общества. В освещении этих аспектов мировоззрения, несомненно, важными представляются находки образцов культовой пластики – антропоморфной и зооморфной. В данной статье речь пойдет о терракотовых антропоморфных статуэтках, которые были обнаружены на территории Дагестана, конкретнее – Южного Дагестана (рис. 1), входившего в этнокультурное пространство Кавказской Албании. Две из них были найдены в погребении 15 Шаракунского могильника в 1961 г. и ещё две – в Дербенте в ходе работ на раскопе XIV в 1987 г.

Шаракунский могильник расположен на границе равнинной и предгорной зон в долине р. Гюльгеры-чай. Он исследовался экспедицией под руководством М.И. Пикуль в 1959, 1961 и

1962гг. (Пикуль М.И., 1959; 1961; 1962). Всего было исследовано 81 погребение, основная масса которых датируется последними веками до н.э.

М.И. Пикуль отнесла погребение 15 к IV–II вв. н.э. (Пикуль М.И., 1959; 1961. С. 138). Этим же временем датировал его М.С. Гаджиев на основе находки в нем бронзовой круглой ажурной бляхи (Гаджиев М.С., 2002. С. 142), хотя, как кажется, дату можно сузить до III–II вв. до н.э. Этой дате не противоречит и иной погребальный инвентарь, прежде всего, серолощенные кувшины-ойнохои. О.М. Давудов первоначально датировал погребение VI–V вв. до н.э. (Давудов О.М., 1974. С. 96), но позднее включил Шаракунский могильник в состав памятников албано-сарматского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.) (Давудов О.М., 1996. С. 76, 86, 92, 94) без определения более узкой даты и отнес к этому же времени происходящие из погр. 15 предметы, в том числе терракотовые статуэтки, включенные в состав культовых предметов (Давудов О.М., 1996. С. 154. Рис. 53, 1–6). В работах О.М. Давудова неверно указывается 6 фигурок, найденных в захоронении (Давудов О.М., 1974. С. 155. Табл. XII, 15–20; 1996. С. 154. Рис. 53, 1–6)* [*По нумерации О.М. Давудова в приложении это погребение фигурирует под № 14 (Давудов О.М., 1974. С. 155)]. В альбоме к отчету о раскопках каждая из двух статуэток воспроизведена в трех позициях (вид спереди, сзади, сбоку); в тексте отчета речь идет о двух фигурках, которые обозначены и на плане погребения (Пикуль М.И., 1961. С. 73, 74. Рис. 31).

Погребение 15 (рис. 2) представляло парное захоронение в грунтовой яме, огражденной с северо-западной продольной стороны несколькими валунами: здесь было произведено погребение ребенка (?) и вторичное (?) захоронение женщины* [*Судя по чертежной документации, рост погребенного ребенка составлял 130–135 см, и речь может идти о подростке]. Центральное погребение ребенка (точнее, подростка), было совершено скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Женский скелет фрагментарный, сохранились лишь череп, несколько ребер и кости левой руки, лежавшие в ногах подростка, что дало повод исследователям характеризовать это захоронение как вторичное.

Основной погребальный инвентарь (керамические сосуды, бронзовые бляха, цепочка, колечки, браслет, железные булавки с бронзовыми навершиями, стеклянные и сердоликовые бусы, пряслице, каури), судя по его расположению в могиле (рис. 2), был связан с центральным захоронением подростка. К остаткам женского скелета может быть отнесена найденная рядом с черепом костяная проколка и положенные в ногах миска (№ 1), фрагменты сосуда (№ 4) и, возможно, крупный кувшин-ойнохоя (№ 5). Антропоморфные статуэтки также должны быть связаны с центральным захоронением: одна из них (№ 6) лежала перед лицевыми костями рядом с локтевым сочленением и бронзовой бляхой (№ 7), вторая (№ 6) – около голени, рядом с амулетом (№ 15) из клыка хищного животного (рис. 2).

Статуэтки однотипны и представляют собой сильно стилизованные, вероятно, женские фигурки в форме головки на длинной шее, увенчанной головным убором типа кокошника, который украшен точечным рисунком (имитация нашивных бусин?) (рис. 3, 1, 2; 4, 1, 2). Параметры первой фигурки (рис. 3, 1; 4, 1): высота 78 мм, высота шейки 32 мм, диаметр «кокошника» 47 мм, диаметр овального неустойчивого основания 17–21 мм, наименьший диаметр шейки 17–18 мм. Параметры второй фигурки (рис. 3, 2; 4, 2): высота 92 мм, высота шейки 37 мм, диаметр «кокошника» 56 мм, диаметр неустойчивого основания 24–25 мм, наименьший диаметр шейки 22 мм.

О.М. Давудов полагал, что эти фигурки обломаны, безголовые, а сохранившиеся фрагменты представляют изображения груди и шеи, украшенной ожерельем (Давудов О.М., 1996. С. 154). С такой трактовкой нельзя согласиться. Прежде всего, статуэтки имеют заглаженное основание, не имеющее следов ломки, т.е. они не являются частями (обломками) более крупных фигурок, а представляют целые предметы*[*Статуэтки выставлены в экспозиции Музея археологии и этнографии ДНЦ РАН].

Обе статуэтки сформованы от руки из хорошо отмученной глины, не содержащей примесей, имеют беловато-серый цвет, слабый обжиг. Как указывала автор раскопок, головки были покрыты красной краской (Пикуль М.И., 1961. С. 138). Статуэтки имеют выпуклые лоб и затылок; детали лица почти не проработаны – имеются вдавления, нанесенные заостренным предметом. Головной убор в форме высокого округлого вееровидного кокошника украшен по ребру вдавлениями, а с обеих сторон – маленькими точками-пунсонами, сделанными тонкой полый трубочкой (рис. 3, 1, 2; 4, 1, 2). Обращает внимание, что у обеих статуэток точечные вдавления на задней стороне «кокошника» расположены несколько хаотично, бессистемно, а на лицевой стороне они образуют ряды вертикальных точек (в одном случае – 3 ряда, в другом – 4 ряда). Ряды точек также

украшают головной убор по основанию «кокошника», окаймляя голову фигурок. Можно предполагать, что точки условно изображают нашитые на головной убор бусины, бисер. У одной из фигурок (рис. 3, 1; 4, 1) под лицом, вокруг верхнего основания шеи идет ряд вдавлений-пунсонов, вероятно, имитирующих бусы ожерелья; у другой (рис. 2, 2) – подобный, но двойной поясик из точечных уколов, окаймляющий шею, едва заметен.

Шаракунские статуэтки весьма оригинальны, они не находят аналогов по своим иконографическим и морфологическим особенностям. Они отличаются крайним схематизмом, условностью, что отмечается исследователями как показательная черта терракотовых антропоморфных фигурок Кавказской Албании античной поры (точнее, рубежа эр – первых вв. н.э.) (Османов Ф.Л., 1971. С. 61–62; Алекперов А.И., 1994. С. 59–60). Вместе с тем статуэтки из Шаракуна подчеркивают выраженную для этой категории культовой пластики Кавказской Албании индивидуализацию, отсутствие серийных образцов.

Как уже указывалось, две терракотовые фигурки – целая и обломок (рис. 3, 3, 4; 4, 3, 4) – были найдены при раскопках в Дербенте, а именно при работах на раскопе XIV в 1987г. [*Статуэтки выставлены в экспозиции Музея археологии и этнографии ДНЦ РАН]. Они морфологически принципиально отличаются от шаракунских статуэток и представляют иной тип: это высокие конусовидные фигурки с более выраженными человеческими признаками. Обе статуэтки сформованы от руки из хорошо отмученной глины с незначительной примесью песка, имеют коричневый цвет, хороший обжиг.

Целая фигурка (рис. 3, 4; 4, 4) имеет высоту 83 мм при диаметре основания 29–31 мм и сужается вверху до 10 мм. Лицо фигурки передано длинным низким носом, сделанным слабым пальцевым зацепом с проработкой гребня, с точечками-ноздриями, расставленными по бокам точечными глазками и коротким врезным ротиком. В нижней части фигурки на лицевой стороне имеются два выступа-шишечки, изображающие, очевидно, груди, и еще ниже, у основания статуэтки – короткая вертикальная врезная полоска, имитирующая ктеис; сбоку от нее имеется отпечаток пшеничного или ячменного (?) зернышка.

От второй статуэтки (рис. 3, 3; 4, 3) сохранилась верхняя часть высотой 55 мм, при ширине в нижней обломанной части 15–17 мм, и сужением вверху до 8–10 мм. Лицо показано достаточно выразительно: проработан нос с уступом и точечными глазками по бокам, намечен подбородок, легкими нарезками показаны брови. Ниже расположены два маленьких выступа-шишечки, имитирующие груди.

В небольшом путеводителе-альбоме с громким названием «Дербенту – 5000 лет», изданном 50-тысячным тиражом и с которого в массовом сознании начала укореняться идея о таком возрасте древнего города, А.А. Кудрявцев, касаясь данных фигурок, указывал, что «глиняные статуэтки богини плодородия» обнаружены «в зерновых ямах начала III тысячелетия до н.э.» (Дербенту – 5000 лет. 1989. С. 16). Хотя обстоятельства их обнаружения противоречат данным заключениям, с такой датировкой статуэтки вошли в научный оборот и стали одним из обоснований 5000-летнего возраста Дербента; одна из них (целая) получила с легкой руки журналиста Д.К. Бейбутова название «Дербентская мадонна». Позднее А.А. Кудрявцев в своей книге «Мусульманский город Дагестана» датировал их концом IV – началом III тыс. до н.э. (Кудрявцев А.А., 1994. С. 28). Он отмечал, что целая фигурка была найдена «в культурном слое конца IV – начала III тыс. до н.э.», а другая, фрагментарно сохранившаяся статуэтка – «на дне крупной зерновой ямы хозяйственного комплекса, выявленного на этом же древнейшем поселении Дербента. Форма статуэток и подчеркнутое выделение характерных признаков женского пола, а также место обнаружения этих изделий, не оставляют сомнений в том, что они связаны с древнейшим земледельческим культом плодородия» (Кудрявцев А.А., 1994. С. 28). В тезисах доклада, посвященного обзору раскопок Дербентского поселения эпохи ранней бронзы, отмечалось, что обнаружение статуэток «в зерновой яме и рядом с ямой, иконография фигурок позволяют раскрыть их назначение и семантику, говорить об олицетворении в них образа богини плодородия, богини зерна» (Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С., 1988. С. 8–9).

Связь дербентских статуэток с земледельческим культом плодородия не вызывает сомнений, что нельзя сказать о датировке этих фигурок. Хозяйственно-бытовой комплекс, исследованный в ходе работ на раскопе XIV и в котором были обнаружены данные статуэтки, был обоснованно датирован на основании анализа керамического комплекса и других находок I–III вв. н.э., т.е. поздним этапом албано-сарматского периода (Кудрявцев А.А., 1988. С. 37). В отчете он же отмечал, что «самостоятельно на этом участке, в отличие от территории цитадели (раскоп XII), культурный слой эпохи ранней бронзы не выделяется» (Кудрявцев А.А. 1988. С. 38). Эти факты

противоречат позже высказанному А.А. Кудрявцевым утверждению, что целая статуэтка была обнаружена «в культурном слое конца IV – начала III тыс. до н.э.» (см. выше). Она была найдена в культурном слое хозяйственно-бытового комплекса* [*Данный объект однослойный], получившего позже условное наименование «дом кузнеца» (*Гаджиев М.С.*, 2002. С. 124–127, 161), на глубине –1,4 м от репера вместе с многочисленными фрагментами керамики албано-сарматского периода, в том числе обломками черно- и серолощенной керамики, миски позднесарматского облика, курильницы на ножке, подобной курильнице из Мамрашского могильника, датируемого I–II вв. н.э. (*Давудов О.М.*, 1978. С. 7–25; *Бакушев М.А.*, *Гаджиев М.С.*, 2011. Рис. 2, 12), но без внутренней перегородки, зооморфного кувшина, которые имеют аналоги в памятниках Кавказской Албании первых веков н.э. Какие-либо выразительные материалы раннебронзового периода в культурном слое комплекса не представлены. Иной датирующий индивидуальный инвентарь из слоя, в том числе пастовые бусины, кремневые огнива в виде удлиненного бруска треугольного сечения*[*Эти изделия, именуемые также отжимниками, ретушерами, отбойниками, представляют характерную находку в памятниках Дагестана первой половины I тыс. н.э. – к настоящему времени известно св. 30 экз. их в памятниках этого времени (см.: *Гаджиев М.С.*, 2002. С. 169. Прим. 73)], пряслица, керамические штыри, подтверждают датировку слоя. Верхняя дата комплекса ограничивается первой половиной – серединой III в. н.э. – в него впущены погребения, относящиеся ко второй половине III – началу IV в. н.э. (*Кудрявцев А.А.*, *Гаджиев М.С.*, 1991. С. 87–115). Таким образом, на основании отчетных данных, мы можем говорить о находке, по крайней мере, данной статуэтки в культурном слое поселения албано-сарматского времени, а не эпохи ранней бронзы.

Фрагментарно сохранившаяся статуэтка была найдена на дне хозяйственной ямы № 9, исследованной в пределах того же раскопа XIV. Яма была разрушена более поздним погребением 2, датируемого указанным выше временем. Помимо фрагмента статуэтки в яме № 9 были найдены 5 фрагментов керамических штырей, характерных для слоев Дербента первой половины I тыс. н.э.* [*В частности, обломки таких керамических штырей, диаметром около 2 см и длиной до 17–18 см, очевидно, использовавшиеся при обжиге керамики, обнаружены в слоях указанного времени также на раскопах XV, XVI, XXV (*Гаджиев М.С.*, 2002. С. 112. Рис. 56, 8–14; *Гаджиев М.С.*, *Будайчиев А.Л.*, 2013. С. 123. Рис. 3, 27–29, 6, 57)], пряслице, диск-жаровня с пальцевыми вдавлениями, а также немалочисленные фрагменты кухонной, столовой, тарной керамики албано-сарматского времени. Среди находок из хозяйственной ямы № 9 к эпохе ранней бронзы, как указывается в отчете о раскопках, возможно, относятся несколько фрагментов стенок коричневоолощенной толстостенной керамики с серой прослойкой в изломе и с примесью шамота в тесте (*Кудрявцев А.А.*, 1988. С. 25), которые, судя по их технико-технологическим характеристикам (характер теста и примеси, лощение, цвет черепка, обжиг), могут быть отнесены и к албано-сарматскому времени. Понятно, что факт наличия многочисленных предметов албано-сарматского времени в яме № 9 исключает закрытый комплекс эпохи ранней бронзы, даже если сама яма действительно была сооружена в тот период. Но стратиграфическое положение этой ямы, аналогичное ситуации других многочисленных (св. 30) ям этого раскопа, связанных с хозяйственно-бытовым комплексом первых веков н.э., отсутствие ям, относящихся к раннебронзовой эпохе, не позволяет датировать яму № 9 периодом ранней бронзы.

Таким образом, даже принимая во внимание факт наличия в хозяйственной яме № 9 нескольких фрагментов керамики, возможно, относящихся к раннебронзовой эпохе, мы имеем дело с закрытым (учитывая отсутствие более позднего материала) комплексом албано-сарматского периода.

Конечно, при желании можно предположить, что две почти аналогичные статуэтки значительно более раннего времени могли попасть и в культурный слой, и в хозяйственную яму одного хозяйственно-бытового комплекса, который датируется первыми веками н.э., но это очень и очень маловероятно. Сравнительный анализ дербентских статуэток и известных терракотовых антропоморфных фигурок, найденных на территории Дагестана и четко датируемых раннебронзовым временем, исключает и эту возможность. На сегодняшний день известно около 10 керамических антропоморфных статуэток, найденных на памятниках раннебронзового века Дагестана: одна была обнаружена в кургане Катарагач-тапа, вторая – на Джемикентском поселении, третья – в Карацанском погребении, четвертая – на поселении Кабаз-кутан и несколько – на Великентском II поселении (*Гаджиев М.Г.*, 1990. С. 13–14; 1991. С. 219; *Магомедов Р.Г.* – в печати). Обращает внимание, что все названные дагестанские антропоморфные фигурки раннебронзового периода происходят из одной геоморфологической зоны, тяготеющей к Дербентскому проходу. При этом все они однотипны, проявляют локальное своеобразие, и резко

отличаются по своей моделировке, иконографии от дербентских статуэток. При хронологической (и территориальной) близости перечисленных статуэток раннего бронзового века и дербентских фигурок следовало бы ожидать и их типологическое сходство.

Таким образом, приведенные обстоятельства обнаружения антропоморфных статуэток в Дербенте, а также существенное отличие их от статуэток эпохи ранней бронзы не позволяют относить их к этому времени и датировать рубежом IV–III тыс. до н.э. Археологический контекст указывает на то, что они относятся к албано-сарматскому периоду и датируются первыми веками н.э. (до середины III в. н.э.). Они дополняют корпус терракот Кавказской Албании античной поры и их следует рассматривать в контексте многочисленных и типологически разнообразных керамических антропоморфных статуэток Кавказской Албании (Алекперов А.И., 1994. С. 40–53. Табл. II–IX).

Антропоморфные керамические статуэтки-идольчики женского пола Дагестана албано-сарматского времени, представляющие, очевидно, очень стилизованный образ богини плодородия, покровительницы земледелия, матери-хранительницы зерна, хлеба, отражают существовавший аграрный культ плодородия, развивавшийся в условиях значительного прогресса комплексной земледельческо-скотоводческой экономики региона (Гаджиев М.С., 2002. С. 180–192). На это, возможно, указывает и то, что одна статуэтка была найдена на дне хозяйственной (зерновой) ямы, а другая – имела отпечаток злакового зернышка* [*Исследователи неоднократно отмечали случаи наличия в составе теста статуэток зерен злаковых и обнаружение их в хозяйственных ямах, зернохранилищах (см., напр.: Бибииков С.Б., 1951. С. 131; Массон В.М., Сарьяниди В.И., 1973. С.101; Алекперов А.И., 1994. С. 18).

Как отмечал М.Г. Гаджиев, «редкость антропоморфной скульптуры является ещё одной характерной особенностью раннеземледельческой культуры эпохи энеолита и ранней бронзы Северо-Восточного Кавказа» (Гаджиев М.Г., 1990. С. 13; 1991. С. 219). То же можно сказать и относительно албано-сарматского периода Дагестана – на сегодня известно только четыре рассмотренных статуэтки. В противовес этому антропоморфная терракотовая пластика Кавказской Албании в целом весьма многочисленна, причем на некоторых памятниках (Мингечаур, Исмаилы) количество находок переваливает за десяток (Халилов Д.А., 1985. С. 122; см. также: Османов Ф.Л., 1965. С. 9–11; 1971. С. 236–241; Алекперов А.И., 1994. С. 40–53. Табл. II–IX)* [*Здесь надо отметить, что вскоре после обнаружения дербентских статуэток М.Г. Гаджиев также отнес их к эпохе бронзы (Гаджиев М.Г. 1990. С. 13), однако в последующей работе он исключил эти статуэтки из списка антропоморфной пластики раннебронзового времени (Гаджиев М.Г., 1991)].

В заключении обратим внимание на то, что антропоморфные терракоты встречаются в памятниках Дагестана двух периодов – раннебронзового и албано-сарматского. И в этой связи укажем, что исследователи уже отмечали то, что «на территории Дагестана в эпоху ранней бронзы и в албано-сарматский период наблюдаются типологически сходные исторические процессы и факты, отразившие социально-экономическое и культурно-историческое развитие местного общества по пути формирования цивилизации: развитие комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, становление и развитие террасного и орошаемого земледелия, получение прибавочного продукта в сфере пищевого производства; ... развитие религиозно-идеологических представлений и особенно культа плодородия» и др. (Гаджиев М.С., 2002. С.241). И рассмотренные статуэтки находятся в контексте схожих процессов, протекавших в религиозно-мировоззренческой сфере в периоды развития земледельческой культуры региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Алекперов А.И. Терракоты древнего Азербайджана. Баку: Элм, 1994. – 117 с.
- Бакушев М.А., Гаджиев М.С. О ритуальных сосудах Северо-Восточного Кавказа албано-сарматского времени // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный – М., 2011. С. 215–236.
- Бибииков С.Б. Культурные женские изображения племен юго-восточной Европы // СА. 1951. Т. XV. С. 122–139.
- Гаджиев М.Г. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990. С. 11–29.
- Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: Эпоха энеолита и ранней бронзы. М.: Наука, 1991. – 264 с.
- Гаджиев М.С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-

экономического анализа. М.: Восточная литература, 2002. – 320 с.

Гаджиев М.С., Будайчиев А.Л. Раскопки Дербентского поселения в 2012 г. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2013. № 4. С. 108–129.

Давудов О.М. Отчет об археологических исследованиях в 1977 г. Махачкала, 1978 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 460.

Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. – 422 с.

Дербенту – 5000 лет. Путеводитель / Автор текста А.А. Кудрявцев. Составитель Б.Ш. Нувахов. М.: Советская Россия, 1989. – 160 с.

Кудрявцев А.А. Отчет о работе Дербентской археологической экспедиции в 1987. г. Махачкала, 1988 // РФ ИИАЭ Ф. 3. Оп. 3. Д. 670.

Кудрявцев А.А. Мусульманский город Дагестана: Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. – 318 с.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Дербент в эпоху ранней бронзы // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Махачкала, 1988. С. 8–9.

Кудрявцев А.А., Гаджиев М.С. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 87–115.

Магомедов Р.Г. Глиняные антропоморфные статуэтки Дагестана эпохи ранней бронзы – в печати.

Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. М.: Наука, Глав. ред. восточ. лит-ры, 1973. – 208 с., XLIV табл.

Османов Ф.Л. Об антропоморфных фигурках в Кавказской Албании // Материалы научной конференции аспирантов Института истории АН Аз СССР. Баку, 1965. С. 10–11 (на азерб. яз.).

Османов Ф.Л. Терракоты Азербайджана античной эпохи и их ближневосточные параллели // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция 1969 г. Доклады. Редакторы: Б.В. Веймарн, Н.К. Карпова, М.Н. Погребова и др. М.: Наука, Главн. редакция вост. лит-ры, 1971. С. 236–241.

Пикуль М.И. Итоги археологических разведок в Южном Дагестане в 1959 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.100.

Пикуль М.И. Раскопки в Южном Дагестане в 1961 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 32. Оп. 3. Д. 144.

Пикуль М.И. Раскопки в Южном Дагестане в 1962 г. // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.3. Д.145.

Халилов Д.А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э. – III в. н.э.). Баку: Элм, 1985. – 236 с.

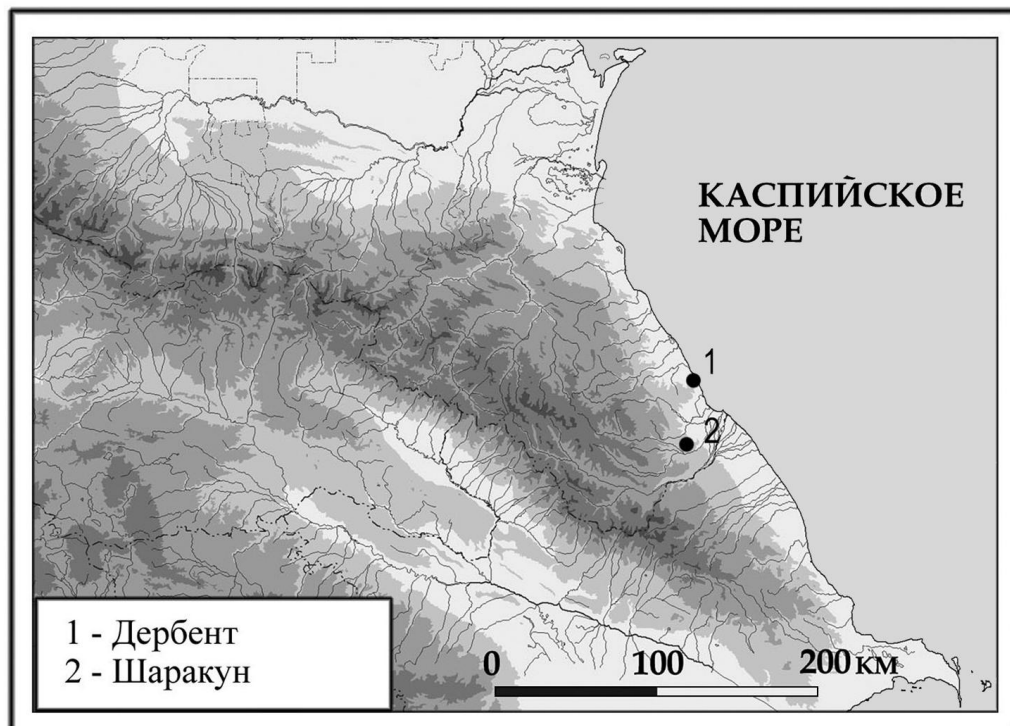

Рис. 1. Карта Северо-Восточного Кавказа с указанием мест находок терракотовых статуэток албано-сарматского времени: 1 – Дербент, 2 – Шаракун.

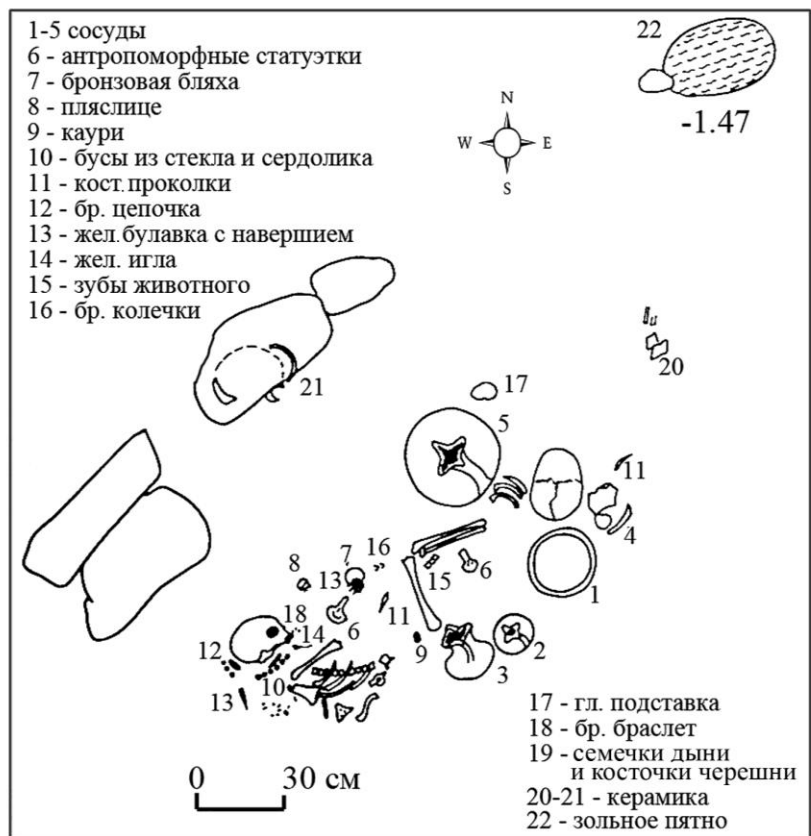

Рис. 2. План погребения 15 Шаракунского могильника.

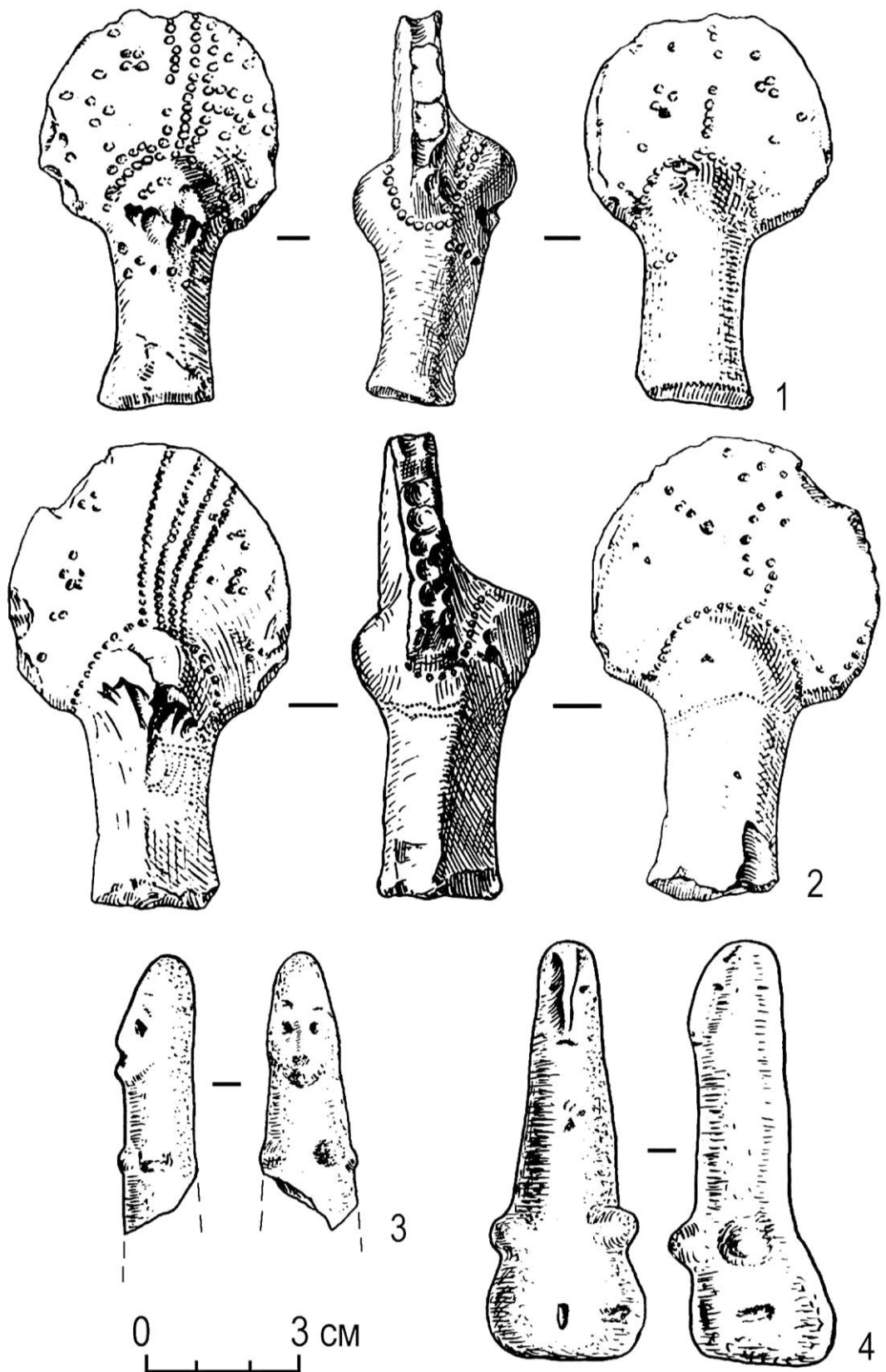

Рис. 3. Терракотовые антропоморфные статуэтки Южного Дагестана албано-сарматского времени (рисунки): 1, 2 – погр. 15 могильника Шаракун, 3, 4 – Дербентское поселение.

Рис. 4. Терракотовые антропоморфные статуэтки Южного Дагестана албано-сарматского времени (фотографии): 1, 2 – погр. 15 могильника Шаракун, 3, 4 – Дербентское поселение.